

Рец. на: Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 гг.: Тексты. Переводы. Комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012. 688 с.

Vladimir Arakcheev

(Ural Federal University and Institute of history and archeology, Ural branch of the Russian academy of sciences)

Rec. ad op.: Russkiy arhiv Yana Sapegi 1608–1611 gg.: Teksty. Perevody. Kommentarii. Volgograd, 2012. 688 p.

Рецензируемое издание является результатом работы коллектива историков и филологов под руководством профессора И.О. Тюменцева, труды которого по истории Смуты хорошо известны специалистам. Синхронно «Архиву Сапеги» И.О. Тюменцев, Н.А. Тупикова, М. Яницкий и А. Плотников подготовили к печати дневник Сапеги и, таким образом, к настоящему времени издан комплекс источников, детально характеризующий деятельность в России этого кондотьера периода гражданской войны начала XVII в.¹ Масштаб проделанной работы значителен: в сборнике опубликовано 427 документов, 38% которых (167 единиц) являются либо архивными, либо впервые переведёнными с польского языка. Такого существенного расширения источниковой базы по истории Смутного времени не было, пожалуй, с начала XX в.

Большая часть документов публиковалась ранее в таких известных изданиях, как «Акты исторические» или «Сборник Хилкова», однако публиковались они в хронологическом порядке без учёта их происхождения и места в составе архива Сапеги. И.О. Тюменцев и его коллеги предприняли весьма результативную попытку разбить все материалы по условным «фондам», связав их единством происхождения. Ясно, что не все документы были результатом работы штаба польского кондотьера: часть из них представляет собой трофеи, захваченные бойцами его отряда у противоборствующих сторон. Тем не менее, коль скоро они оказались в составе бумаг Сапеги и были вывезены из России, вполне справедливо рассматривать их как часть именно этого архива.

Публикация архива Сапеги позволила пересмотреть ряд устоявшихся представлений об одном из наиболее трагичных периодов Смуты. Опубликованные в комплексе 39 отписок и челобитных тушинских придворных, известных по более ранним публикациям, позволили представить масштаб захватов волостей и сел в приставства ротами армии Сапеги. И.О. Тюменцев обоснованно замечает, что получившие из состава дворцовых волостей феноменальные пожалования тушинцы не могли вступить во владение своими сёлами и получать с них доходы, что в конечном итоге стало причиной разочарования служилых людей в Лжедмитрии II и переориентации их на королевича Владислава (с. 95).

Сильнейшее впечатление производят документы, описывающие оборону Троице-Сергиева монастыря. С одной стороны, впечатляет мужество защитников обители, с другой – поразительные факты их повседневной жизни. Так, в письме троцкого слуги Г. Резанова говорится о серьёзном дефиците кожаной обуви («голенница в поршнях переносили»), в то время как в практически синхронном письме от 1 июля 1609 г. слуга М.В. Старицкой пишет о том, что в его распоряжении имеются 5–6 руб. и две лошади, но из-за блокады монастыря он не имеет возможности послать деньги родственникам в Москву (с. 242–243).

Исключительный интерес представляет письмо П. Ляпунова Я. Сапеге, датированное издателем по записи в «Дневнике» 25 июня 1611 г. с извещением об отправке послов для ведения переговоров (с. 157–159). Ко времени отправки письма уже существовал «триумvirат»

П. Ляпунова, кн. Д. Трубецкого и И. Заруцкого, и оставалось пять дней до принятия земского приговора от 30 июня 1611 г. Факт отправки подобного послания подтверждает предположения о глубоких разногласиях между руководителями I ополчения, проявившихся, в том числе, в попытках поиска возможных союзников. Стремление и Ляпунова, и Сапеги сохранять контакты не только в феврале, но и июне 1611 г. показывает гражданскую войну начала XVII в. как крайне сложное многополярное явление.

Одним из выдающихся результатов работы авторов стало обнаружение в фондах российских и зарубежных архивов и публикация 20 неизвестных документов, относящихся территориально к Переяславскому уезду и содержащих уникальные данные о системе повинностей, налагавшихся властями самозванца на посадских людей и крестьян. Публикаторы отметили факт взимания «непомерных налогов», которые было не в состоянии платить «разорённое гражданской войной податное население». Взимавшийся с тяглецов Муромского и Переяславского уездов «денежный налог по 80 руб. с сохи», по мнению авторов, «значительно превышал обычную норму». Публикаторы ссылаются на данные, приведённые в книге С.М. Каштанова, свидетельствующие о взимании в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1580-х гг. 28–32 руб. данных, полоняничных и ямских денег с сохи (с. 317).

Фискальная история России конца XVI – начала XVII в. только начинает изучаться, и до настоящего времени перед исследователем стоит множество трудно-разрешимых проблем. Ключевая из них состоит во фрагментарности данных за период Смутного времени, хотя некоторые цифры введены в научный оборот. Так, из дела Новгородской четверти 1676 г. известна выпись из дозорной книги В. Овцына 1606/07 г., согласно которой с сохи на Торговой стороне Новгорода взималась сумма в 41 руб. 23 алтына 5 денег². Эта сумма сопоставима с данными о посощном обложении других посадов в конце XVI – начале XVII в. Например, с посада Вологды взималось от 33 до 42 руб. с сохи,

куда входили данные, ямские, приметные, полоняничные и пищальные деньги.

С.Б. Веселовский констатировал резкий рост налогов после завершения Смуты: так, с городов, подведомственных Новгородской чети, в 1613/14 г. деньги за хлебные запасы взимались в размере 250 руб. с сохи, а оклад ямских денег в 1618 г. составлял 800 руб. с сохи³. Если воспринимать представленные цифры буквально, можно констатировать 30-кратный рост налогов за 30 лет. В контексте максимальных ставок 1613–1618 гг. взимавшиеся агентами тушинского правительства в 1608 г. налоги в 80 руб. с сохи выглядят весьма умеренными, хотя и превышавшими ставки налогообложения в Новгороде в 1606/07 г. Очевидно, что в наших знаниях об уровне налогообложения в эпоху Смуты имеются существенные лакуны, не позволяющие пока дать убедительного объяснения изложенным явлениям.

Однако с некоторой долей уверенности можно заключить, что на ранних этапах управления в 1608 г. администрация тушинского «царя» пыталась использовать уже существующие фискальные механизмы. Судим об этом, прежде всего, по письму К. Янушковского с донесением о ходе сбора налогов в Ярославском и Романовском уездах. Денежные суммы, последовательно, в три приёма собираемые с посада Романова (730 руб. собраны Д. Черкасским, 600 руб. – Янушковским, который писал о том, что «будет добирать остаток той казны»), производят впечатление ординарных налогов, собираемых в соответствии с данными фискальных кадастров (с. 470).

Об использовании традиционных инструментов фиска говорит наименование должностных лиц местного управления «посланниками». Посланники представляли собой институт чрезвычайного финансового управления, регулярно использовавшийся правительством, по крайней мере, с 1560-х гг.⁴ В переяславских документах 1608 г. посланники упоминаются как фискальные агенты тушинского правительства: в декабре 1608 г. именно посланник Василий Иванович (Никитич) Орлов собирал с посада Переяславля налоги в размере 80 руб. с сохи (с. 323, 335). Посланник Станислав Стамборский в

октябре 1608 г. приводил к присяге на имя Лжедмитрия II население Аргуновской дворцовой волости. В челобитной старосты Аргуновской волости от октября 1608 г. посланниками, правившими государевы доходы, названы четыре человека, в том числе В. Орлов (с. 337–338). В документах конца 1608 г. упомянуты правившие налоги с Окружной дворцовой волости и дворцовых деревень Кинельского стана посланники Ф. Чернцов и К. Миляев (с. 343, 346).

В документах 1609 г. посланники уже не указываются, что, по всей видимости, свидетельствует об отказе тушинской администрации от апробированных фискальных институтов и переходе к архаичной практике приставств путём нерегламентированного взимания натуральных и денежных поборов непосредственно вооружёнными отрядами. Однако следует отметить, что тяглое население быстро принимало складывавшийся порядок вещей: разорённые грабежами пахоликов ротмистра Колецкого, крестьяне Верхнедубенского стана просили передать их в приставство некоему пану Сватку, а крестьяне подмосковной Вохонской волости в челобитной на имя Лжедмитрия II и Сапеги от 17 апреля 1609 г. назвали свою административную единицу «Вохонским приставством» (с. 307).

Изложенные факты заставляют поставить вопрос о сущности воинских формирований, оказавшихся под командованием Сапеги в 1608–1611 гг. Безусловно, его полкам были свойственны некоторые черты регулярной армии, что касается, прежде всего, порядка боевых построений, маршей, караульной службы. Однако в то же время данные источников говорят о конфедеративном характере этого соединения, чьей целью были грабежи и нажива.

Следует отметить особенности обеспечения армии Сапеги. В целом для правительственных армий России и Швеции было свойственно централизованное финансовое и материальное обеспечение: показателем этого являются сохранившиеся учётно-фискальные документы. Новгородский оккупационный архив сохранил две «Книги солдатских денег», содержащих убедительные данные о спо-

собах обеспечения корпуса Делагарди в Новгородской земле в 1614–1616 г.⁵ Ещё более значимым является факт использования полевой армией под командованием кн. Хилкова платёжной книги Торопецкого уезда во время кампании 1580 г. против войск Стефана Батория. Публикатор архива Б.Н. Флоря отметил наличие в его составе «фрагментов платёжницы Торопецких волостей», указав, что они никак не связаны с остальным материалом⁶. Однако вполне логично предположить, что фуражиры корпуса Хилкова использовали взятую в воеводской избе Торопца платёжную книгу, составленную не ранее 1575 г., для законного и документально обоснованного обеспечения армии за счёт местного населения⁷.

В наиболее ранних записях дневника Сапеги упоминаются факты фуражировок. Например, в записи от 31 декабря 1608 г. фиксируется нападение защитников Троице-Сергиева монастыря на дорогу, «по которой пахолики продовольствие возили к лагерю», и захват ими «больше десятка саней с овсом и сеном»⁸. Во многих опубликованных в рецензируемом издании документах говорится об изъятии полками и ротами Сапеги «кормов столовых и конских», но эти изъятия всегда осуществляли командиры отдельных подразделений, например пан Лампицкий (с. 374). Значит, в центральном «штабе» армии Сапеги не было учётно-фискальных документов, которые бы регламентировали сбор продовольствия и фуража, что предопределяло безудержное разграбление кондотьерами русских волостей и городов.

Второе соображение касается проблемы командования и управления Я. Сапегой своим войском. Публикаторы отмечают, что «высшим органом власти в наёмном войске являлся большой круг, на котором решались проблемы службы, оплаты, войсковой дисциплины, квартирования, взаимоотношения с различными властями, планы дальнейших действий» (с. 586). Такой порядок управления был предопределён интересами кондотьеров и целями самого Сапеги. Уже при вступлении на территорию России войско решило «оставить конфедерацию и пункты, которые подписали все собственноручно, и присягнули друг другу все добрыми истинными

рыцарскими словами от конфедерации той не отступать пока живы»⁹. В дальнейшем, начиная с 10 октября 1608 г., на страницах дневника ежемесячно, или даже несколько раз в месяц упоминаются общевойсковые собрания («kolo generalne»), польское название которых переведено публикаторами как «общий круг».

Такие круги собирались в войске Сапеги 10 и 31 октября, 26 и 27 января, 9, 11 и 26 февраля, 14 марта, 1, 4 и 15 апреля, 6 мая, 13 и 22 июня, 5, 9, 19, 27 и 31 августа, 1 сентября, 7 октября, 23 ноября 1609 г., 26 февраля, 25 июня, 20 и 30 июля, 1, 2, 8, и 30 августа, 6, 11, 14 и 20 сентября, 2 декабря 1610 г., 13, 18 и 21 февраля, 13 марта, 23 июня, 5, 25, 26, 28 августа, 2 и 3 сентября 1611 г.¹⁰ Судя по записям дневника, на кругах обсуждалась стратегия похода, вопросы заключения договоров с «тушинским вором» или польским королём, назначались «послы», выслушивались их отчёты. Рангом ниже были «приватные ротмистровские собрания», которые проводились в отдельных полках (подразделениях) и состояли, видимо, из офицеров.

В начале 1611 г., когда армия кондотьера, терпя поражения и будучи теснима русскими и королевскими войсками, собиралась на круги, на них принимались крайне противоречивые решения: 16 февраля 1611 г. круг постановил, чтобы Сапега ехал к королю, а 18 февраля на большом круге «задержали его милость пана гетмана и не разрешили ему ехать к его милости королю»¹¹. Скованный необходимостью отчитываться перед войском и согласовывать с ним военно-политические решения, Сапега оказался заложником своей «фортуны». Этим обстоятельством было предопределено итоговое поражение таких кондотьеров Лжедмитрия II, как Лисовский и Сапега, перешедших в конечном итоге на службу королю.

Состав сохранившихся документов, прошедших через «штаб» Сапеги, способен пролить свет и на особенности ведения делопроизводства, и на отношение сапежинцев к своему пребыванию в России. Публикаторы не посчитали нужным составить хронологический перечень публикуемых документов, но несложно подсчитать, что наиболее представительные документальные комплексы датируются

периодом осады Троице-Сергиева монастыря (сентябрь 1608 – январь 1610 г.). Это не только период значительных успехов движения Лжедмитрия II, но и время стационарного (за исключением похода на Калязин в августе 1609 г. и рейдов к Александровой слободе) нахождения штаба Сапеги под стенами осаждённого монастыря. Как выяснили публикаторы, даже от этого временного промежутка не сохранились перехваченные сапежинцами письма Скопина-Шуйского, которые либо не изымались у гонцов, либо переправлялись в Тушино (с. 266–268). Когда же войско Сапеги начало рейды вокруг Москвы, пытаясь подороже продать свои услуги, сохранность документов ещё более ухудшилась.

В заключение следует отметить ряд ошибок публикаторов, которые не оказали определяющего влияния на авторские интерпретации и оценки. Неверной представляется интерпретация пожалования Александровой слободы Марине Мнишек как «кормления» (с. 48). В документе недвусмысленно говорится о том, что «назначенные на нужды» авантюристки Александрова слобода и «иные дворцовые деревни» ей принадлежат. Следовательно, они интерпретировались приказными людьми Лжедмитрия II как дворцовые волости, принадлежащие ей на правах собственности как «царице», а отнюдь не как «кормление», жаловавшееся администраторам. Во введении к переписке с гетманом Ружинским указано, что в документе № 57 обрисована ситуация, сложившаяся в Тушино, в то время как на самом деле в письме имелась в виду ситуация в Речи Посполитой (с. 86). В заголовке документа № 105 вместо правильной даты 1610 г. ошибочно проставлен 1611 г. (с. 145). Во введении к разделу «Отписки и челобитные воевод и жителей Ярославля» ярославский Спасо-Преображенский монастырь ошибочно назван Спасо-Евфимьевым (с. 453–454).

В целом же публикацию русского архива Я. Сапеги следует признать ценнейшим собранием источников, которые послужат поколениям будущих исследователей истории Смуты.

Примечания

¹ Дневник Яна Сапеги (1608–1610 гг.) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, А.Б. Плотников, Н.А. Тупикова. М.; Варшава, 2012.

² Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.

³ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152, 160–180.

⁴ *Аракчеев В.А.* Опричнина и земщина: к изучению административной практики в Русском государстве 1560–1580-х гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 21–28.

⁵ Riksarkivet, Stockholm, Ockupation-sarkivetfran Novgorod. Serie 1:2, 1:35.

⁶ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 202–203.

⁷ Автор выражает признательность А.В. Антонову, высказавшему эту гипотезу в устной беседе. Archivum Glowne Akt Dawnych w Warszawie. Archivum Zamoyskich, № 3032, л. 76, 82, 84, 85, 95.

⁸ Дневник Яна Сапеги... С. 81.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 69, 75, 89, 91, 93, 99, 103, 107, 109, 113, 119, 129, 133, 149, 153, 155, 159, 167, 177, 183, 195, 201, 207, 209, 211, 213, 223, 229, 233, 237, 257, 275, 277, 285, 299, 317, 323, 327.

¹¹ Там же. С. 277.

Оксана Ермолаева

Рец. на: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.*

Oksana Ermolaeva

(Petrozavodsk State University, Russia)

Rec. ad op.: A.J. Rieber. The Struggle for the Eurasian Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge University Press, 2014. 648 p.

Монография известного американского историка Альфреда Рибера является итогом его научных изысканий в области «имперской истории» и развивает идеи, высказанные в его предыдущих работах¹. Новизна и оригинальность данного труда заключается в том, что он стал попыткой представить альтернативу традиционной «истории империй», поставив во главу угла проблемы, связанные с приграничными имперскими территориями. Автор представил окраины империй в качестве не только основных источников соперничества, войн и международных конфликтов, но и повлиявших на мировую

историю «геокультурных территорий, где пересекались носители несовместимых идеологий и политических движений – национализма, аграрного популизма и промышленного социализма, создавая гремящую смесь и угрожая имперскому правлению параличом государственной власти, восстаниями, и войнами» (р. 531).

В фокусе исследования находятся пять «континентальных», «евразийских» империй (противопоставляемых «морским», «колониальным») – Российская, Османская, Австро-Венгерская, Иранская и Китайская. Попытки их комплексного анализа уже неоднократно предпринима-

* *Рибер А.* Битва за евразийские окраины: от рождения империй Нового времени до конца Первой мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2014. 648 с.

Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, ГБТ № 653-14.